

А. Соколовъ.

ХРИСТІАНСКОЕ
ПОДВИЖНИЧЕСТВО.

Вологда.

Типографія Вологодскаго Губернскаго Правленія.

1901.

108608

ХРИСТИАНСКОЕ ПОДВИЖНИЧЕСТВО.

Въ апостольскомъ чтеніи, положенномъ въ память свв. преподобныхъ мужей, мы слышимъ повѣствованіе о доблестныхъ герояхъ духа, кои „придоша въ милотехъ и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени; ихже не бѣ достоинъ весь міръ, въ пустыняхъ скитающеса и въ горахъ и вертепахъ и въ пропастьехъ земныхъ“ (Евр. XI, 37—38). Кто эти дивные въ терпѣніи и сильные любовію къ лишениямъ суровой пустыни изгнанники міра, которыхъ онъ не достоинъ вмѣстить въ себя, Св. Апостолъ не называетъ намъ поименно. Съ яркою картинностью изображая полные злостраданія образы этихъ скорбящихъ и озлобленныхъ, онъ разумѣетъ здѣсь вообще всѣхъ тѣхъ мужей непобѣдимой вѣры и самоотверженной любви къ Богу, которыхъ „ни скорбь, ни тѣснота, ни гоненіе, ни гладь, ни нагота и никакая другая бѣда, ни даже сама смерть, не только не могутъ разлучить отъ любви Божія“ (Римл. VIII, 35), но еще служатъ для нихъ желаннымъ средствомъ явить свою всепобѣждающую любовь о Христѣ и тѣмъ дать невѣрующему міру поразительное доказательство живой дѣйствительности и глубочайшей силы нашего спасительнаго упованія. Можно думать, что при этомъ изображеніи умственному взору Св. Апостола предносились не только великіе образцы ветхозавѣтной праведности и мученичества за вѣру, о которыхъ онъ здѣсь и упоминаетъ (XI гл.), но и тѣ многочисленныя облака свидѣтелей любви и вѣры о Христѣ, которыми окружила себя Истина Новозавѣтная и, значитъ, слова Апостола звучали не только свидѣтельствомъ прошедшаго, но и знаменательнымъ пророчествомъ будущаго.

Изучающимъ прошедшія судьбы Церкви Христовой хорошо извѣстно, съ какою точностью оправдалось это апостольское пророчество нѣкакими поразительными явленіями духа и силы (I Кор. II, 4),—духа любви и силы вѣры,—такъ богата была христіанская жизнь въ прежнія отдаленныя и, повидимому, уже невозвратимыя времена, какіе безчисленные ряды мучениковъ, своею кровью и костями утвердили на землѣ вѣчное Царство Господа нашего Иисуса Христа,—Его

Церковь Святую,—и какія безчисленныя же облака новыхъ свидѣтелей начала выдвигать Церковь нотомъ, когда утихли гоненія, прекратились времена мученичества и наступило время мирнаго развитія Христіанскихъ началъ, а съ нимъ и время дѣйствованія иныхъ, равночестныхъ мученикамъ, страдальцевъ и подвижниковъ нравственнаго Евангельскаго совершенства съ его высочайшими цѣлями, но и тернистыми путями жестокихъ лишеній, озлобленій тѣлесныхъ и скорбей душевныхъ. На пространствѣ многихъ столѣтій проходятъ предъ нашими духовными взорами эти совершеннѣйшіе носители и выразители духа христіанскаго,—проходятъ въ милотехъ и въ козіяхъ кожахъ; лишени всѣхъ благъ міра, но полные невѣдомыхъ ему благъ; скорбяще незнакомыми міру скорбями препобѣждающаго страсти духа; озлоблени всѣми озлобленіями темныхъ враждебныхъ имъ духовныхъ силъ, въ пустыняхъ, горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ совершая чуждыя и непонятныя міру дѣла свои. Въ ихъ уединеніи мнили они скрыться отъ людей, чтобы тѣмъ удобнѣе предать себя Богу, но слава дѣлъ Божіихъ,—дивнаго во святыхъ Своихъ (Псал. LXVII, 36), не можетъ скрыться подъ спудомъ забвенія, ибо „тайну цареву добро есть хранить, дѣла же Божія повѣдати похвально“ (Тов. XII, 7). Изъ предисловія Патр. Софронія къ житію Св. Маріи Егип.) Поэтому-то исторія и любовь вѣрныхъ явили на свѣтъ вѣдѣнія ихъ жизнь, какъ спасительный для вѣрующихъ образецъ жизни совершеннѣйшей, а св. Церковь заповѣдала чтить память праведниковъ похвалами и, укрѣпляясь воспоминаніемъ о нихъ, съ тѣмъ большимъ терпѣніемъ стремиться на предлежащей каждому жизненный подвигъ (Евр. XII, 1). Таковъ смыслъ церковнаго празднованія памяти свв. подвижниковъ благочестія, празднованія, которымъ освящается большая часть дней церковнаго года.

Братья христіане! „Елика преднаписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася“. Если нельзя никому изъ вѣрныхъ относиться равнодушно къ намѣреніямъ и учрежденіямъ Св. Церкви, то тѣмъ болѣе намъ.

И если никто не имѣетъ права пренебрегать тѣми нравственными уроками, которые выработала поставленная на истинныхъ основаніяхъ христіанская жизнь въ лицѣ лучшихъ и болѣе полныхъ выразителей и носителей ея духа, то менѣе всего прилично такое небреженіе тѣмъ кто можетъ лучшимъ образомъ ознакомиться путемъ науки съ жизнью св. подвижниковъ благочестія, умственному взору которыхъ болѣе, чѣмъ кому либо другому, открыта эта святая жизнь, а вмѣстѣ съ

тѣмъ должна быть открыта и взорамъ ихъ сердца, располагая послѣднее къ дѣятельному подражанію праведникамъ и почитанію ихъ похвалами.

Но въ то время, какъ истинныя чада Церкви и ревнители духа Христова всегда такъ именно и поступаютъ и съ должнымъ вниманіемъ относятся къ тѣмъ урокамъ, которые Церковь предлагаетъ извлекать изъ жизни подвижниковъ каждому по потребностямъ его собственной души, — міръ, чуждый ихъ возвышенныхъ стремленій и погрязшій въ собственныхъ, слишкомъ далекихъ отъ евангельскихъ заповѣдей, стремленіяхъ, не только оставался и нынѣ остается равнодушнымъ къ тому, что вѣщаетъ ему и къ чему призываетъ его святая жизнь Божіихъ подвижниковъ, но и дѣлаетъ ихъ жертвами своего презрѣнія и ненависти, кидая грязью осужденія въ лучшіе и благороднѣйшіе порывы духа человѣческаго, клеймя иногда именемъ буиныхъ и обьюродѣвшихъ тѣхъ людей, жизнь которыхъ была постояннымъ вхожденіемъ въ разумъ Божій, или, по крайней мѣрѣ, объявляя несомвѣстимыми съ условіями своей жизни, исторически отжившимъ и потерявшимъ свое значеніе все то, что въ жизни подвижниковъ св. Церкви считается полезнымъ для своихъ чадъ и на что обязываетъ смотрѣть, какъ на образецъ, подражая которому, христіанинъ можетъ безтрудно и плодотворно протекать свой жизненный подвигъ. Такъ глухой къ Божественнымъ желаніямъ міръ изгоняетъ прочь отъ себя, въ пустыню забвенія, тѣхъ, кои поставлены предъ нимъ, какъ свѣтъ и спасеніе ему и прибавляетъ къ тѣмъ озлобленіямъ и скорбямъ, на которыя они добровольно обрекли себя, свои новыя озлобленія и новыя скорби.

Откуда же истекаетъ эта злоба?—Гордость міра— вотъ первый источникъ этой злобы. Исполненный слишкомъ глубокаго чувства собственнаго достоинства міръ не можетъ признать превосходнѣйшими себя тѣхъ, которые добровольно оставили его, признавъ его лежащимъ во злѣ (1 Иоан. V. 19) и отбѣгли въ пустыню, чая Бога, спасающаго отъ грѣховныхъ бурь (Псал. LIV, 9), волненіе которыхъ составляетъ значительное содержаніе мірской жизни. Въ этой гордости міръ клеймитъ именемъ безумія всякій путь жизни, который слишкомъ тѣсенъ и тернистъ сравнительно съ тѣми путями, по которымъ идетъ столь многое множество искателей и поклонниковъ его временныхъ благъ; онъ называетъ глупостью, насиліемъ природы человѣческой, искаженіемъ истинной евангельской нравственности, образъ жизни, проникнутый тихимъ безстрастіемъ и спокойнымъ углубленіемъ въ міръ собствен-

ной душевной жизни съ удаленіемъ отъ заботъ и волненій обыденной, общественной и семейной жизни. Въ этой гордости, въ этомъ отрицаніи всякаго иного смысла жизни, кромѣ того, какой видить въ ней онъ самъ, міръ не можетъ возвыситься до пониманія той идеи, носителемъ которой было христіанское подвижничество и которая побуждала сильныхъ вѣрою и любовію христовою людей оставлять міръ со всѣми столь естественными, такъ глубоко и, повидимому, нескоро-нимо приростающими къ душѣ человѣческой жизненными привязанностями. Для плотяныхъ взоровъ его кажется непостижимою та святая рѣшимость оставить міръ, которой такъ искренно и съ полнымъ правомъ дивится истинный читатель подвижничества. Поэтому то неудивительно, если міръ отрицаетъ эту рѣшимость и стремится закидать ее своими подозрѣніями, утверждая, что не христіанской нравственной идеѣ подвижничество обязано своимъ существованіемъ и не глубокое самоотверженіе служило его источникомъ, а напротивъ — постыдное малодушіе, съ какимъ спѣшили многіе христіане скрыться въ пустыняхъ отъ ужаса языческихъ гоненій. Говоря такъ, забываютъ, что ужасы гоненій умолкли именно тогда, когда получаетъ самое начало свое жизнь подвижническая, что величайшіе представители пустынножительства, какъ напр. святые Пахомій (прежде языческій воинъ) и Іоанникій (прежде иконоборецъ), не только не были гонимыми, но добровольно оставляли ряды гонителей и бѣжали изъ міра, влекомые внутреннимъ голосомъ совѣсти или побуждаемые голосомъ высшаго призванія. Кто гналъ этихъ людей изъ міра и какая сила влекла ихъ въ пустыню, заставляя при томъ усиленно искать уединенія, мѣняя для того одно мѣсто обитанія на другое? И развѣ предъ этимъ страхомъ мученій и смерти со стороны гонителей многимъ легче для души страхъ того постояннаго умиранія, въ какое по истинѣ обращалась жизнь подвижниковъ среди всевозможныхъ лишеній, какимъ подвергали они себя въ пустынѣ?! Гордый своимъ достоинствомъ міръ прежде, чѣмъ отрицать смыслъ подвижничества и глумиться надъ нимъ, изучаетъ ли этотъ чудный, живущій самою полною и возвышенною жизнью міръ? Иногда мы видимъ, что внимательное углубленіе въ него производитъ переверотъ въ умѣ, скептически прежде къ нему относившемся, позволяя ему находить въ этомъ мірѣ такія красоты, такое нравственное удовлетвореніе, какихъ доселѣ онъ здѣсь и не предполагалъ. Но гораздо чаще можно замѣтить, какъ чада міра сего, не сдѣлавъ и шагу для ознакомленія съ этимъ міромъ, изошряютъ на немъ всѣ орудія легкомыслен-

наго издѣвательства и злобы. Одинъ огульному отрицанію предаеть всѣ безъ исключенія преданія Церкви о жизни отшельниковъ, не обращая вниманія на то, что утвердившіе своимъ авторитетомъ эти преданія отцы и учителя Церкви— авторы нѣкоторыхъ изъ этихъ сказаній, какъ наприм. св. Аѳанасій Великій, были далеко не невѣжды въ разумніи истины и далеко не пристрастные цѣнители и сказатели исторической дѣйствительности. Другой такому же огульному осужденію предаеть самыя начала отшельнической жизни, утверждая, что эти начала не только были извѣстны еще дохристіанской дрсвности, но и уступаютъ въ достоинствѣ тѣмъ началамъ, которые управляли жизнью лучшихъ и добродѣтельнѣйшихъ язычниковъ; говоря такъ, забываютъ, что въ самыхъ возвышенныхъ и наиболѣе близкихъ къ христіанству своихъ пунктахъ мораль языческихъ мудрецовъ не чужда примѣсей, которыя противны нравственности и весьма еще чужда духу Христову. Третій рисуеть характеръ подвижнической жизни чертами такого суроваго фанатизма въ проведеніи нравственныхъ требованій, благодаря которому, если бы это было исторически справедливо, подвижничество является изращеніемъ христіанской нравственности; но при этомъ забывается, что „образъ кротости“ не есть нарицательный только эпитетъ христіанскихъ подвижниковъ, по истинная и главная черта ихъ нравственнаго облика, съ каковою выступаютъ они въ своей жизни и твореніяхъ, въ своихъ заповѣдяхъ и правилахъ. Съ этою кротостью и любовію они старались отклонить всякое скороспѣлое стремленіе къ подвигамъ со стороны протекавшихъ къ нимъ юныхъ любителей безмолвія. Съ этою любовію по правиламъ своей жизни отшельники относились къ чужому нравственному паденію. Проникнутые ею епископы-подвижники старались мольбами и внушеніями укротить гнѣвъ разгнѣванныхъ на народъ властителей (Амвросій, Флавіанъ); движимые ею они иногда только собственными слезами старались исправить сердца грѣшниковъ, между тѣмъ какъ важность грѣха требовала примѣненія суровыхъ мѣръ церковной дисц. плены (св. Іоаннъ Златоустъ въ отношеніяхъ къ Антиохійцамъ). Эта любовь побуждала ихъ добровольно отказываться отъ своихъ правъ на высокое положеніе въ Церкви Христовой (св. Григорій Богословъ), терпѣливо сносить обнаруженія злобы со стороны враговъ, радоваться въ изгнаніи, среди оскорбленій, и умирать съ словомъ прощенія на устахъ и благодареніемъ Бога за все (св. Іоаннъ Златоустъ).

Мы указали только на одинъ потокъ непріязни, который стремится уронить высокое значеніе христіанскаго подвижни-

чества и мутными волнами порицанія загрязнить его свѣтлую идею. А между тѣмъ съ другой стороны противъ него направляется другой потокъ непріязни, если не такой грязный и стремительный, какъ первый, то болѣе опасный по своей силѣ. Противъ подвижничества выступаетъ осмысленный серьезный и, повидимому, даже старающійся не отрываться отъ истинно-христіанской почвы взглядъ на жизнь, выступаетъ съ твердыми логическими доводами, обнаруживающими въ которое, правда поверностное, знакомство съ тѣмъ явленіемъ, которое подвергаетъ отрицанію. Люди этого направленія, часто даже ученые изслѣдователи глубокой христіанской древности (извѣстной египтологъ Георгъ Эберсъ), оказываются не въ состояніи понять духъ христіанскаго подвижничества и, встрѣчаясь съ такими его обнаруженіями, которые не мирятся съ ихъ узкимъ и утилитарнымъ понятіемъ о христіанской нравственности, съ торжествомъ указываютъ на нихъ, какъ на искаженіе возвышенныхъ требованій евангельскихъ и на само подвижничество, какъ на невыгодную для Христовой Церкви аномалію. Для таковыхъ людей подвижническая жизнь служитъ синонимомъ праздности и малодушія, съ какими будтобы неблагоустроенная человѣческая свобода старается избѣгать обязательно будто бы налагаемаго Богомъ бремени жизни. Къ чему,—говорятъ намъ,—это фанатическое отверженіе благъ земной жизни, такъ достойныхъ, при законномъ ихъ употребленіи и естественныхъ для человѣка, и это безпредѣльное желаніе пустынножительства? Такъ, напр., воспоминаемый Церковію 4-го ноября преподобный Іоанникій имѣлъ въ себѣ всѣ силы проходить указанный ему самую жизнь путь и всѣ качества, посредствомъ которыхъ могъ бы сдѣлать этотъ путь не только приятнымъ для себя, но и полезнымъ для другихъ, но онъ, съ нетерпѣніемъ, увидѣвъ примѣръ созерцательной жизни въ лицѣ инока-прозорливца, скидываетъ съ себя бремя мірской жизни и спѣшитъ скрыться въ пустыню. Его окружаетъ разумная человѣческая среда, которой онъ могъ бы быть достойнымъ и полезнымъ членомъ, съ которой онъ могъ бы дѣлиться благами разумно-сознательной жизни и состороны которой онъ приобрѣлъ уже расположеніе —видимое доказательство его высокихъ и полезныхъ для людей душевныхъ качествъ;—а онъ укрывается въ горныхъ разсѣлинахъ, предпочитая сообщество съ безсловесными, дикими и даже опасными звѣрями.

И къ чему,—говорятъ далѣе,—это долготѣнее безмолвіе, это ревнивое удаленіе отъ общества человѣческаго и это нежеланіе даже показываться тѣмъ, которые издалека явля-

лись къ келліи святаго, надѣясь лицезрѣніемъ его и бесѣдою съ нимъ искупить трудности далекаго странствованія? И зачѣмъ это отрицаніе всякихъ жизненныхъ удобствъ,—всего, что напоминало бы уотребленіе созданія Божія на пользу себѣ, не есть ли это пасильственное и безразсудное отверженіе власти, которую самъ Богъ даровалъ человѣку и сознаніе которой можетъ служить вѣрнымъ и сильнымъ опредѣлителемъ его нравственной жизни?!

Но лежащая въ основѣ того явленія, которое составляетъ предметъ бесѣды нашей, идея есть такой предметъ, на который мы должны взглянуть очами вѣры и къ которому приложима только мѣра религіозно-нравственнаго христіанскаго чувства. Изъ утраты такой точки зрѣнія на христіанское подвижничество должно необходимо проистекать отрицаніе его; для того же, кто становится на нее, оно блистаетъ полнымъ свѣтомъ своей неземной красоты. Кто не въ состояніи постигнуть этой лежащей въ глубинѣ религіозно-нравственной души божественной жизни, кто не видитъ возможности лучшаго существованія внѣ міра и его волненій, для кого не существуетъ радостей выше земныхъ, и удовольствій—выше тѣхъ, которыя доставляютъ чувственность и чисто умственное безрелигіозное знаніе,—для того никогда не будетъ понятно подвижничество и всѣ явленія этого міра имѣютъ значеніе для него не болѣе того, какое онъ придаетъ душевнымъ аномаліямъ. Такіе люди—люди плоти, а не духа, съ твердымъ плотнымъ сердцемъ я умомъ, смогутъ ли поѣтому они постигнуть проникающую чистымъ и святымъ духомъ область религіозныхъ влеченій. Вотъ почему не удивительно, если въ ихъ сужденіяхъ наряду съ порицаніями и издѣвательствами мы слышимъ иногда уже болѣе серьезный мотивъ—ссылку на непониманіе тѣхъ явленій, которыми отличается отъ обыкновенныхъ путей человѣческихъ міръ подвижничества.

Но не одно только мудрованіе плоти не въ состояніи надлежащимъ образомъ отнестись къ подвижничеству. Слово Божіе открываетъ намъ глубокое различіе не только между плотнымъ и духовнымъ, но и между духовнымъ и душевнымъ,—между воззрѣніемъ на предметы всецѣло христіански-религіознымъ и воззрѣніемъ, въ которомъ религіозное перемѣшано съ земнымъ, божественное съ человѣческимъ. Различіе этихъ двухъ точекъ зрѣнія глубоко: что для первой составляетъ необходимый законъ, то для другой—необязательный совѣтъ; что для первой есть исключительное благо, то для другой—заслоняется другими менѣе нравственными, но болѣе цѣнными благами. „Душевень человѣкъ не пріемлетъ

яже духа Божія: юродство бо ему есть и не можетъ разумѣти, зане духовнѣ възвзается“ (1 Кор. II, 14). Можетъ ли и для этихъ душевныхъ быть понятно подвижничество и могутъ ли они отнестись къ нему съ полнымъ уваженіемъ. По ихъ взгляду цѣль человѣка—благоустроить градъ земной, а подвижничество стремится къ небесному. Ихъ желаніе—утвердить на землѣ господство тѣхъ нравственныхъ началъ, которыя могутъ быть прочнымъ основаніемъ человѣческаго общежитія, а подвижничество проповѣдуетъ пустыню, одиночество и безстрастіе. Ихъ привязанности вращаются въ кругу земныхъ удобствъ, а отшельники внушаютъ отверженіе земныхъ благъ во имя небесныхъ. Поэтому ревнители умѣренной евангельской правды гонять отъ себя правду высшую; во имя правды закона, заключенной въ предѣлы земныхъ дѣлъ человѣческихъ, отвергаютъ правду свободнаго стремленія въ міръ небесный. Но законно ли поступать такимъ образомъ? Слово Божіе открываетъ намъ глубокое различіе между евангельскими заповѣдями относительно жизни нравственно-совершенной и евангельскими совѣтами относительно жизни совершеннѣйшей,—между тѣмъ, что для всѣхъ обязательно, и тѣмъ, что составляетъ дѣло свободнаго избранія, тѣмъ, что каждому по силамъ, и тѣмъ, что могутъ вмѣстить только немногіе. Высоки эти совѣты; повидимому превышаютъ они естественныя силы человѣка и идутъ на перекоръ его природѣ. И однако ихъ изрекла вѣчная Истина и въ нихъ то заключается главное отличіе христіанской морали отъ морали языческой, въ нихъ то сказывается тайна глубокаго, перерождающаго естественныя силы человѣка, вліянія вѣры Христовой! Что же говорятъ и къ чему руководятъ насъ эти совѣты? — „Иже любитъ отца и мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ“—сказано въ евангеліи (Мѡ. X, 37). „Аще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ: и имѣти имаши сокровище на небеси, и гряди во слѣдъ Мене“ сказалъ Іисусъ Христосъ богатому ищущему высшаго совершенства юношѣ (Мѡ. XIX, 21). Когда свв. апостолы по нѣкоторому случаю сказали Господу, что „лучше есть не женитися“, они получили отвѣтъ: „не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть.... Могій вмѣстити да вмѣститъ“ (Мѡ. XIX, 11—12). Вотъ каковы евангельскіе совѣты и вотъ чего требуютъ они отъ человѣка! „Жестоко слово сіе и кто можетъ его послушати“—скажутъ многіе словами евангелія (Іоан. VI, 60). Но потому то, что оно жестоко для чувственно-ограниченной природы человѣка и требуетъ высшей силы духа, оно и есть только совѣтъ, обращаемый ко

всѣмъ, но вмѣстимый немногими. Того, въ комъ любовь къ душѣ своей сильнѣе любви къ міру и спасеніе ея составляетъ единственный предметъ его желаній, не страшитъ суровость этихъ совѣтовъ, ибо въ нихъ слышится ему голосъ любви Божіей, призывающей его въ небесную славу, жажда которой дѣлаетъ его безчувственнымъ къ тому суровому пути, которымъ онъ можетъ списать ее.

И такъ, жизнь созерцательная, отрѣшенная отъ міра и всецѣло обращенная къ Богу и вѣчности, не есть измышленіе человѣческое, не есть искаженіе евангельскаго нравственнаго ученія; напротивъ это высшій путь, къ которому призывается обновленное во Христѣ человѣчество и по которому человѣкъ неминуемо восходитъ къ уготованной намъ небесной славѣ. Но любвеобильное милосердіе Божіе знаетъ, какъ трудно глубоко падшей природѣ нашей разорвать всякую связь съ земнымъ и безраздѣльно отдаться вѣчности.

Поэтому благословляя всякій жизненный путь, лишь бы онъ совершался во имя Христова и при свѣтѣ вѣчныхъ Его заповѣдей, христіанство предлагаетъ жизнь созерцательную только свободному человѣческому избранію и вышеуказанные совѣты свои назначаетъ жизненною нормою немногихъ сильныхъ вѣрою и пламенѣющихъ любовію душъ. Но это то послѣднее, это отличеніе обиденныхъ низменныхъ обнаруженій религіознаго чувства отъ высшихъ пламенныхъ его выраженій и должно указать намъ истинныя наши отношенія къ христіанскому подвижничеству. Очевидно, если мы послѣдователи духа Христова, какими мнимъ себя, то не можемъ съ полнымъ равнодушіемъ, а тѣмъ болѣе съ презрѣніемъ относиться къ ревнителямъ высшей евангельской правды. Слыша вѣщаніе Христова, что только путемъ крестнаго подвига можно войти въ Царство Его, не обязаны ли безропотно нести свой жизненный крестъ и съ благоговѣніемъ смотрѣть на тѣхъ, кто соразмѣрно своимъ силамъ беретъ тяжелейшій крестъ — полное самоотверженіе во имя Христова?! Подозрѣвая чистоту ихъ намѣреній, съ какими отбѣгли они въ пустыню, нагрядая дѣвнія ихъ забвеніемъ и даже осужденіемъ, насильственно искажая тотъ нравственный обликъ, съ которымъ пустынножители являютъ въ исторіи, мы высказываемъ тѣмъ не только самовольное искаженіе исторической правды, но и грубое незнаніе природы религіознаго чувства, такъ какъ прилагаемъ къ нему мѣру своего мелкаго, неспособнаго на малѣйшія самопожертвованія религіознаго чувства. Въ насъ оно мерцаетъ лишь слабою и часто потухающею искрою, такъ что къ намъ вопли приложимо Божественное осужде-

ніе: „вѣмъ твоя дѣла, яко нистуденъ еси ни теплъ: не да студенъ бы былъ ни теплъ. Тако... изbleвати тя отъ устъ Моихъ имамъ (Апок. III, 15—16). Но были люди, которые жили этимъ чувствомъ всецѣло, отдавались ему безраздѣльно, приносили ему въ жертву всѣ привязанности, горѣли постоянно одною жаждою божественнаго и въ отвѣтъ на эту жажду получили въ полное удовлетвореніе блага, которыхъ теперь тщетно добывается міръ путемъ продолжительной и трудной борьбы съ господствующими всюду темными силами. Жизнь ихъ есть тайна глубокой вѣры и любви: скудные тою и другою мы едва даже можемъ понять эту жизнь и потому имѣемъ ли право говорить что либо въ ихъ осужденіе, когда даже вообще не можемъ судить чужому рабу. Осуждая эту жизнь подвижниковъ, порицая ихъ за удаленіе отъ міра и желая тѣмъ возвратить ихъ на тотъ жизненный путь, по которому идемъ сами, мы чрезъ то отторгаемъ достойнѣйшіе и лучшіе члены отъ Церкви и являемся, сами не понимая того, орудіемъ тѣхъ темныхъ силъ, съ которыми ведутъ они постоянную брань, и притомъ ко вреду самимъ себѣ. Мы говоримъ: ко вреду себѣ,—потому что значеніе подвижничества не ограничивается только предѣлами ихъ личнаго усовершенствованія,—хотя совершаемые въ уединеніи пустыни съ усиленнымъ стремленіемъ быть скрытыми отъ взоровъ людскихъ ихъ подвиги для самихъ отшельниковъ и не имѣютъ другаго значенія,—но простирается и на нравственные судьбы всего христіанскаго общества. Служа совершеннѣйшимъ носителемъ духа Христова и полнымъ выразителемъ евангельскихъ началъ, подвижничество тысячью незримыхъ путей проводило эти начала и въ жизнь общественную и, такимъ образомъ, по вышнему устроенію явилось глубокою христіански-цивилизующею силой. Для насъ, отдаленныхъ гранью многихъ столѣтій отъ того времени, когда жизнь подвижническая сіяла полнымъ свѣтомъ, можетъ показаться и непонятнымъ и невѣроятнымъ его вліяніе на христіанскую жизнь, но въ этомъ вліяніи нельзя сомнѣваться. Подъ этимъ вліяніемъ, незамѣтно переносимымъ въ общество изъ пустыни то людьми, посѣщавшими подвижниковъ съ нарочитою цѣлю—получить отъ нихъ религіозно-нравственное назиданіе, или утѣшеніе въ несчастіи, или благой жизненный совѣтъ, или врачеваніе душевное, или, наконецъ, изцѣленіе отъ тѣлесныхъ недуговъ,—то путемъ случайныхъ, даже праздныхъ, слуховъ,—подъ этимъ вліяніемъ улучшались общественные и семейные нравы, вводились и прививались нравственные начала въ жизнь или сами собою, или рукою тѣхъ сильныхъ земли, которые взирали на жите-

лей пустыни взорами учениковъ и подражателей. Не думайте, что это вліяніе было чисто аскетическое, отрицательное по отношенію къ жизни общественной и мірской. Не думайте, что пустынножители въ горячемъ стремленіи къ правдѣ высшей гнали прочь правду умѣренную. Напротивъ, съ охотою принимая къ себѣ всѣхъ тѣхъ, которые бѣжали отъ міра, разбитые его волпеніями и нуждались для своего успокоенія въ пустынномъ безмолвіи,—отшельники, извѣдавшіе всю трудность своего подвига, старались отклонить всякое скороспѣлое стремленіе къ жизни созерцательной, учредивъ для этого новопоступающимъ продолжительный искусь. Они не старались внести мечъ въ міръ, раздѣляя дѣтей съ родителями, мужей съ женами и усиленно привлекая всѣхъ въ пустыню. На оборотъ они стремились утвердить въ обществѣ христіанскій міръ и любовь, обращая сердца озлобленныхъ и оскорбленныхъ къ оскорбителямъ, примиряя враждующихъ, утишая страсти; силою своего глубокаго нравственнаго вліянія на приходящихъ къ нимъ, а чрезъ нихъ и на все общество христіанское, они подчиняли міръ Богу, благоуукрашая и благоустроая его. Жизнеописанія нѣкоторыхъ великихъ подвижниковъ передаютъ намъ, что во время гоненій, когда духъ религіозной ревности въ христіанахъ подвергался опасности ослабѣть предъ ужасами мученій и дѣйствительно слабѣлъ, они являлись въ многочисленные центры христіанской и языческой жизни, чтобы силою своего нравственнаго авторитета и безмолвнымъ указаніемъ на свои добровольные подвиги во имя вѣры и любви къ Богу одушевить колеблющихся въ вѣрѣ—стоять въ исповѣданію до крове (Св. Антоній великій). Видимъ также, что слава ихъ дивныхъ дѣлъ заставляла сильныхъ земли искать ихъ молитвъ и совѣтовъ, а на эти исканія могли ли они иначе отвѣчать, какъ не указаніемъ на высшіе законы Божественнаго міроуправленія, которымъ подчинены и цари,—располагая ихъ быти истинными пастырями и судіями людей Божіихъ и, такимъ образомъ, сообщая высшія христіанскія начала въ тѣ области общественной жизни, гдѣ кроются пружины челоуѣческаго благоустройства: законодательство и администрацію (Св. Антоній Вел. въ отнош. къ Констант.). И кто знаетъ, безъ этого, изъ пустыни исходящаго, вліянія нравственная жизнь христіанскаго общества тѣхъ временъ можетъ быть не стояла ли бы ниже того уровня, на которомъ мы ее видимъ въ дѣйствительности, и не была ли бы скуднѣе тѣми свѣтлыми явленіями, примѣры которыхъ можно находить въ житіи такихъ лицъ, какъ Филаретъ милостивый, Іоаннъ и Марія со своею добродѣтельною дружиною?...

Послѣ всего сказаннаго, полагаемъ, ясно, съ какимъ глубокимъ благоговѣніемъ обязаны мы относиться къ подвижникамъ благочестія. Ихъ возвышенные нравственные образы вполне оправдываютъ апостольское о нихъ слово: „иже не бѣ достоинъ весь міръ“. Они суть орудія правящей міромъ благодати Божіей, которая въ мірѣ, полномъ грѣха, оставила святое сѣмя, чтобы оно было постояннымъ свидѣтелемъ противъ насъ, обличителемъ грѣховъ нашихъ, живымъ показателемъ тѣхъ высочайшихъ путей Божіихъ, по которымъ должна двигаться обновленная во Христѣ природа наша и тѣхъ гибельныхъ путей, по которымъ мы такъ усиленно спѣшимъ прочь отъ небесной своей славы, наконецъ—предстателемъ и молитвенникомъ за нашъ грѣшный міръ. Они явлены, какъ свѣща на свѣщницѣ, свѣтящая яркимъ свѣтомъ добродѣтелей во тьмѣ грѣховной жизни нашей, чтобы, одушевляясь ихъ примѣромъ и видя, до какихъ степеней совершенства можетъ восходить природа наша, взирая на такое окружающее насъ облако свидѣтелей, съ терпѣніемъ мы стремились на предлежащій намъ жизненный подвигъ, взирая на Начальника и Совершителя вѣры Іисуса (Евр. XIV, 1), крестъ Котораго они съ любовію и терпѣніемъ понесли на себѣ.

Значеніе подвижничества для насъ, дѣтей вѣка сего, таково же, какъ и во всѣ вѣка. Законъ Евангельскій есть вѣчный Законъ Божій человѣку и заповѣди, данныя въ Откровеніи и самымъ дѣломъ вполне проясненныя Св. Подвижниками благочестія, суть вѣчныя заповѣди, во свѣтѣ которыхъ надлежитъ человѣку совершать свое шествіе къ отечеству небесному, подобно тому какъ одна и таже грѣховная природа у человѣка, одни и тѣже страсти и болѣзни, требующія духовнаго врачеванія, одни и тѣже всегда, когда бы и гдѣ бы онъ ни жилъ. Поэтому всякое время и всякое общество христіанское равно нуждается въ тѣхъ урокахъ благочестія, которыя выработала подвижническая жизнь, и въ тѣхъ образцахъ для подражанія, какими являются христіанскіе пустынножители. Наше же, въ частности, время—время преимущественно практическаго холоднаго разсчета, меркантильной погони за благами міра и значительнаго равнодушія къ высечувственнымъ потребностямъ природы человѣческой—весьма богато и тѣми печальными послѣдствіями, какія прорастаютъ отсюда и которыя обнаруживаются разстройствомъ многихъ сферъ жизни. Богатое открытіями, возвысившими достоинство ума безъ соотвѣтственнаго, однако, достоинства сердца и воли, наше время есть преимущественно время самолюбивыхъ стремленій и самыхъ неуступчивыхъ страстей. Но по-

этому то самому оно и нуждается въ такомъ вліяніи, которое бы вызвало подавленную въ глубинѣ души современнаго человѣка искру теплаго религіознаго чувства, воодушевило міръ любовью къ Богу, указало бы ему на иныя блага, чѣмъ тѣ, которыхъ добивается онъ, обратило бы взоръ его на другое знаніе и другую премудрость кромѣ изучаемыхъ имъ, которыя, не уничтожая современной премудрости и знанія, но, соединившись съ ними, составили бы дивную гармонию и полноту духовнаго совершенства, съ которыми онъ явился бы истиннымъ царемъ Божія созданія. Источникъ такого вліянія — духъ вѣры, поскольку онъ объемлетъ человѣка. Жизнь свв. подвижниковъ, какъ выраженіе этого духа, какъ показатель тѣхъ предѣловъ, до которыхъ можетъ возвышаться въ этомъ шестивіи душа, имѣетъ важное значеніе для современнаго человѣка, живымъ опытомъ убѣждая его, что есть другая жизнь, чуждая его волненій, и есть другія цѣли бытія, — существенныя, вполне достойныя природы нашей и благотворныя по своему значенію для нея, обнимающія и удовлетворяющія всѣ его потребности и совершенно удаляющія изъ жизни то ощущение неудовлетворенности и неполноты, какимъ томится современное практическое человѣчество. Взирая на это томленіе, истинный ревнитель высшей евангельской правды долженъ желать, что бы тѣ великіе нравственные образы, которые и въ древности просвѣщали общество христіанское, мы постоянно носили въ душѣ, всюду старались, по мѣрѣ возможности, воспроизводить ихъ и поступать по нимъ. О, если бы тѣ спасительныя правила, которыя установлены ими, мы старались дѣятельно изучать и примѣнять въ жизни, мудро соразмѣряя ихъ съ ея обыденными заботами и нуждами, не исходя для этого въ пустыню и не оставляя того мірскаго званія, въ которое каждый поставленъ, но, насколько возможно, въ мірѣ земномъ преслѣдуя градъ грядущій! О, если бы по крайней мѣрѣ мы старались подражать въ этомъ мудромъ сочетаніи земнаго съ небеснымъ и божественнаго съ человѣческимъ тѣмъ подражателямъ духа свв. подвижниковъ и ревнителямъ житія ихъ, каковыхъ находимъ мы и въ современномъ человѣческомъ обществѣ! Подвижники благочестія свѣтлою и чистою душой живы въ памяти вѣчной межъ нами. Въ жизни своей являя намъ высшее благо, озаряя насъ свѣтомъ идей жизни и твореній своихъ, поучая насъ жизнью своей и вдохновеннымъ словомъ, они остаются для насъ вѣчнымъ примѣромъ посильнаго подражанія.

Леонидъ Соколовъ.